

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Речь пойдет в первую очередь о тележурналистике — просто потому, что меня это волнует и интересует больше всего. Хотя Россия вслед за всем миром перестает быть литературоцентристской страной, но все же века литературоцентризма даром не прошли, и слово в России играет все-таки более значительную роль, чем во всех остальных европейских странах. В этом смысле за последние 15–20 лет произошли очень существенные изменения, такие, которых не было раньше. Что я имею в виду? На протяжении веков законодателем словесной моды, манеры, стиля был писатель. Всегда. Сейчас — нет. По довольно понятной и практической причине. Писатель перестал быть богатым и привилегированным, уважать его не за что и нечего его слушаться. Это место заняли тележурналисты, телеведущие. Богатые, хорошо одетые, не по сезону загорелые; тем языком, которым говорят телеведущие, говорит страна. Это, по всей видимости, та реальность, которая будет продолжаться еще долго, потому что никакой альтернативы этому не видно, и языковые поиски вроде албанского языка в Интернете — это все очень интересно, но все-таки пока крайне маргинально. Именно поэтому очень важно, какой язык, что называется, «показывают» с телеэкрана.

Приведу целый ряд конкретных примеров. Это на 90 % тележурналистика, причем не только центральных каналов. В силу разных обстоятельств я в последние годы видел очень много региональных телеканалов — от Камчатки до Калининграда, так что выборка репрезентативная.

Резко усилилась красота стиля на фоне отсутствия редакторского контроля. Все цитаты точные: «Крошки от большого пирога своей щедрости», «Череповец готов к нашествию клещей», «Огонь получил “вольную”», «Нельзя попросить беду подождать до утра». Или, например, такое: «На руки юной Верочки Петровой ложится первый метр колбасной оболочки». Хотелось бы посмотреть на кавалера этой Верочки, а журналиста я видел: он ничего. Поскольку мой любимый город — Венеция, то я с особым вниманием отношусь к упоминаниям о Венеции. Она играет особую роль в российской журналистике, особенно в тележурналистике, потому стоит разлиться какой-нибудь речушке в сибирской деревне, как сразу «всплывает» Венеция. Например, «Венецианские пейзажи Югорска»; репортаж из Ноябрьска: «Скоро в магазины можно будет въезжать на гондолах» или «В ближайшие дни станет ясно: превратится ли Ижевск в Венецию?»

Особое место занимает спортивная журналистика. Об этом можно говорить отдельно, именно потому, что она считается наиболее свободной, и в советские времена действительно была таковой. Там красота такая, что, как правило, не хватает времени только на то, чтобы сообщить, с каким счетом закончилась игра. На все остальное время есть, например: «Аршавин пяткой высоко закинул мяч на Зырянова, который в касание переправил упругую сферу на Погребняка. Павел нежно принял дорогой

дар и доставил его по адресу: в сетку ворот». Внятность, которая, казалось бы, именно в спортивной журналистике больше всего нужна, как раз и отсутствует. И это очень характерный показатель.

Другой пример — философское направление журналистики. Вдумайтесь: «Жизнь — это бесконечный выбор между созиданием и разрушением»; «капля воды, в которой отражается целый клубок проблем», «чтобы вопросы отпали для понимания». Активно осваивается религиозная тематика: «Явление судебных приставов народу», «Христос воскрес: без сомнения — главная новость недели». РИА «Новости» включило Преображение Господне в свою информационную ленту новостей — что само по себе уже мило.

Существует культура заголовка, отсутствующая в западной тележурналистике, перекочевавшая на телеэкран из прессы. В периодике понятно, для чего существует заголовок: чтобы отделять один материал от другого. В тележурналистике этого не требуется, тем не менее почему-то применяется. Примеров можно привести бесчисленное множество: «НАТО быстро введет и быстро выведет»; о гибели воинского подразделения в Чечне говорится: «Чеченские боевики работают без выходных», а о гибели пожилой женщины: «Старушка не спеша дорожку перешла».

В свое время Бернард Шоу высказал мысль, актуальную и сегодня в отношении разных видов СМИ: «Газета — это печатный орган, не видящий разницы между падением с велосипеда и крушением цивилизации». Российские теленовости новостями не являются ни в какой степени. Короткий выпуск новостей выглядит приблизительно так. Первое: «Президент встретился с премьер-министром», что новостью не может быть, ни в одной стране мира этого нет. Второе: «В США стрельба в студенческом кампусе». Третье: «Открыто акушерское отделение в больнице Гудермеса». И четвертое: «Невиданное нашествие бабочек на западный берег Мексики». Вот это будут четыре главные мировые новости. Складывается ли из этого картина мира? Вряд ли. При этом все, о чем сообщается, принимает крайне гипертрофированные формы. Например, вы, наверное, обратили внимание, что любая операция, которую проводит либо милиция, либо армия, либо террористы, — всегда широкомасштабная и всегда хорошо или тщательно спланированная — независимо от того, чем она закончилась. Например, никого не удалось убить или поймать, но все равно — операция широкомасштабная и тщательно спланированная. Машина всегда «взлетает на воздух». Кто был на войне, тот знает, что машина не взлетает, она вздрагивает на месте и разваливается, даже если доверху набить ее взрывчаткой. Но ведущий всегда скажет: «Взлетела на воздух начиненная взрывчаткой машина». На днях я слышал, как открывался выпуск новостей: «Американские штаты Мериленд, Делавер и Нью-Джерси стремительно уходят под воду». Думаю, жители этих штатов страшно удивились бы, услышав такое. Я, например, живя в Праге, несколько лет назад, когда там было наводнение, своими ушами слышал и своими глазами видел (по-моему, это было по НТВ),

¹ Писатель, журналист (Чехия).

как корреспондент сказал: «Только шпили церквей одиноко торчат над водой». Я в это время сидел у телевизора в Праге, и если бы не российское телевидение, то не знал бы, что было наводнение. Или, к примеру: «Красноярский край охвачен огнем». Простой взгляд на глобус покажет, что такой катастрофы земля не знала со времен Всемирного потопы.

И это не реклама, как можно было бы подумать. Это придание значительности произносимым словам и тем самым — себе. Если я говорю о том, что Красноярский край охвачен огнем, то прислушайтесь и заодно посмотрите на меня: какой я молодец, что такое сообщаю. Почему все это происходит? Потому что за последние годы стремительно сузилась информационная площадка, на которой можно резвиться журналисту. Ни на каком канале невозможно серьезное аналитическое обсуждение политики, экономики, социальных проблем, даже культуры, если вопрос имеет социальный или политический оттенок. Поэтому журналисту ничего не остается, как гипертрофировать сообщаемое, каковым бы оно ни было. Экспрессивность формы восполняет стерильность содержания; психология

этого понятна. И то, что появилось колоссальное количество передач в духе программы «Максимум» на НТВ, мистики, магов, ведьм в утренней программе новостей — тоже беспрецедентный для мировой практики случай. «Рекомендуется перед выходом на работу положить в карман зеркальце, лицевой стороной наружу — от сглаза». Что происходит? Дело в том, что ни о чем серьезном говорить не получается. Ведь, в отличие от бумажной журналистики, электронная строго регламентируется временем. Существуют ограничения на рекламу, значит, надо еще о чем-то говорить и что-то сообщать. Прямое следствие отсутствия свободы на российском телевидении — его, как выражался Бродский в таких случаях, — «остервление». Это самое «остервление» происходит, и конца ему не видно, потому что надо нагнетать страсти. Чтобы вызывать интерес, требуется поднимать планку все выше и выше. Раз нельзя вширь, значит, будем высь. Раз нельзя темы, значит, надо стиль. И еще одна, с вашего позволения, цитата из Честертона: «Единственное, что оправдывает моральную деградацию прессы, — то, что ей сопутствует деградация умственная».

* * *

О. С. КУЗИН: — Благодарю Петра Вайля за замечательное выступление. Я сказал бы, что оно почти концертное. Однако не во всем виноваты журналисты. Вот уже много лет газета «Трибуна» вместе с Санкт-Петербургской академией журналистики проводит конкурс на обладание «Воробьиной премией». Девиз этой премии: «Слово не воробей: вылетит — не поймает». Два года назад первое место с огромным отрывом получил министр культуры, ныне ушедший с этого поста, Александр Сергеевич Соколов. Он произнес фразу, которую сам объяснить не может: «Невинность приходит с опытом». А в этом году первое место, опять же с большим отрывом, занял ректор бывшего Плехановского института, ныне Академии народного хозяйства. Он сказал: «Нет такой ситуации, из которой нельзя было бы выйти с позором». Я даже не цитирую В. С. Черномырдина, который 10 лет назад стал первым обладателем этой премии, и из-за него было принято уникальное решение: присудить ему первую премию и больше на конкурс не допускать, потому что иначе бы он каждый год премию получал.

Всю жизнь я был убежден, что прежде чем стать теле- или радиокомментатором, человек должен в совершенстве изучить русский язык. То, что сегодня мы слышим в прямом эфире, выходит за рамки дозволенного, особенно на «раскрученных», как мы говорим, радиостанциях. Есть люди, позволяющие себе «нести» в прямом эфире такое, что не хочется даже комментировать. Безграмотность вопиющая! И это огромный удар по всему журналистскому цеху. К сожалению, русский язык сегодня засорен безмерно.

П. Л. ВАЙЛЬ: — Может быть, не стоило бы так беспокоиться. Язык — мощнее, сильнее, богаче не только каждого из его носителей, но и всех их вместе взятых. Это саморегулирующаяся система. Сколько стонов было на протяжении веков о засорении русского языка то голландскими и немецкими словами в XVIII в., то англицизмами в XIX в. Адмирал Шишков придумал по-настоящему грандиозные слова. Бильярд назвал «шарокатом». Но язык их почему-то не принял. А скажем, Хлебников придумал слово «летчик», и язык это слово освоил. Почему? Никто не знает, нас не спросили.

О. С. КУЗИН: — Тем не менее на могилах первых русских летчиков написано «авиатор».

П. Л. ВАЙЛЬ: — Правильно. Вошло слово «летчик», но и «авиация» осталась. Почему так получилось? Неизвестно. Языку любое обогащение идет в плюс, что нужно — то останется, что не нужно — обесценится.

В. В. УГРЮМОВ: — Здесь не только вопрос стилистики и лексики, но и вопрос интеллекта. Небольшой пример. «Наше радио» сообщило: «Губернатор принял участие в юбилее зодчего России». Я сразу позвонил на эту радиостанцию и спросил, что это значит. Оказалось, что там молодая ведущая, которая просто не знает, кто такой Росси. Если бы она, например, сказала «феноmén», а не «фенóмен», то это было бы не страшно, это можно.

П. Л. ВАЙЛЬ: — Да, это не очень страшно. Сегодня я буду выступать перед старшеклассниками. Конечно, они в целом менее образованны, чем мы, но они гораздо более свободны. А это все же важнее, чем незнание того, что связано с зодчим Росси.